

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

ГГЕН

Г 34

913

Г 34

В СУРОВОМ КРАЮ

ДОЛДОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Ст
919
Г 34

Г. ГЕН

Г-34

В СУРОВОМ КРАЮ

(ПО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

(С 8-ю РИСУНКАМИ)

ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ

2137

1867-53 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОНСКОГО РАЙОНА
И СТЕПАНОВСКОГО
"КРАСНАЯ ПРЕСНЯ"
(Мосполитграф)

Москва, М. Грузинская,
Столярный пер., д. 5-7.

№ 1091

1927

673369 КХ-ред Тираж 15.000

Российская государственная
детская библиотека

Ст.
913

Г-34 ГЕН "В суровом краю".

М.Дол.Негр. стр-70 Ц-40к/по сов.союзу/. 1929г.

В форме якобы путевых впечатлений, автор думает дать очерк западной Сибири. Но сведения так незначительны так разжижены всевозможными разговорами путешественников, и так не интересно даны, что книжку можно использовать только при школьной проработке за неимением лучшей.

ДОПУСТИТЬ старш.возрасту города и деревни.
Гус. I Угр.-Лесная полоса, Сибирь.

Рубрика предм.кат. - Сибирь.

Библи. Комис. ЦДБ 3/IV 1929г.

КАК МЫ ПОЕХАЛИ В СИБИРЬ

Достаточно было всмотреться в скуластое, плоское лицо, в узкий, как будто приплюснутый лоб, немного скошенные глаза нашего друга Олкиро, чтобы признать в нем жителя Северной Азии. Мать его была самоедка из Обдорска, а отец — калмык с горного Алтая.

Олкиро нас увлек в это путешествие по Сибири. Мы все трое были молодыми народоведцами. За четыре года совместной учебы в московском университете он нам рассказал много чудес о сибирском крае, о его тайге и тундре, о его народах, непрестанно борющихся с природой. И нас невольно потянуло побывать во всех этих местах.

Но Олкиро нас предупреждал, что он не будет нас возить по богатым людным городам Сибири, которые почти ничем или очень мало отличаются от русских.

— Мы пойдем, друзья мои, — сказал он, — в самую глубь Сибири. — Мы заберемся в таежную глушь. Взойдем на горные вершины Алтая. Я покажу вам ледники. Вы увидите живых маралов. Вы будете жить вместе с остиками-рыболовами, с вогулами-звероловами, в тесных прокопченных

юртах вместе с зырянами-оленеводами. Вы будете завтракать на альпийских лугах с горными катунскими скотоводами. Я там знаю многих. Мне известны такие места, куда еще не ступала нога человека, и я поведу вас туда.

Степан Ильич, молодой ученый народовед—парень с плечами в косую сажень,—усмехаясь, говорил увлечшемуся Олкиро:

— Не задерет ли нас медведь? Не затопчет ли лось? Выйдем ли мы оттуда живыми? Не потребуется ли на это путешествие целой жизни?

— О нет мои храбрые путешественники... Ничего опасного на нашем пути не будет,—сказал Олкиро.—Мы будем пользоваться, где можно, пароходами, где—великим Сибирским путем, будем плыть на лодочке, будем шагать пешком. Ручаюсь вам, что ровно через два года, в этот самый день и час, мы целые и невредимые—будем находиться в столице советских социалистических республик.

— А тундру мы увидим?—робко и неуверенно спросил я.

Олкиро громко расхохотался:

— Да ты, дружище, я вижу, о Сибири имеешь такое же представление, как я о Китайской республике. Наберитесь же, товарищи, терпения... Узнаете сами обо всем, когда побываете в тундре и почувствуете ее ледяное дыхание.

Этот разговор происходил накануне нового года, когда мы были одушевлены новыми планами

и надеждами. Мы тогда сгоряча ударили по рукам.

Не позже, как через три месяца после этого сговора, мы с командировкой Института Народоведения с небольшим капиталом и еще меньшим знанием местных языков, уже сидели в вагоне третьего класса с билетами до Омска.

Олкиро был счастлив, и лицо его сияло от радости. Правда, и мы со Степаном Ильичом вовсе не склонны были впадать в уныние. Молодость была в наших жилах.

— Заварили кашу, — барабанил Степан Ильич по колену — теперь будем расхлебывать...

НА ВЫСТАВКЕ КУСТАРЕЙ В НОВОСИБИРСКЕ

Только недавно, всего 15—20 лет тому назад, Новосибирск, тогдашний Ново-Николаевск, был маленьким грязным сибирским городком, каких немало в Западной Сибири. Теперь он вырос в большой советский центр. Население насчитывается здесь уже до 100 тысяч человек. Часто попадаются большие каменные здания. Улицы в центральной части города имеют хорошие мостовые. Степан Ильич и Олкиро с чувством удовольствия смотрели на эти высокие громады, в которых разместились советские учреждения. По рассказам старожилов, на месте, еще недавно, этих зданий были большие кочковатые пустыри. Теперь тут гудел шумный поток людей, а

на улицах то и дело слышались рожки автомобилей.

Кустарно-промышленная выставка, устроенная по почину новосибирских кооператоров, занимала огромный корпус большого, нового здания вблизи центрального рынка. Когда мы туда подошли, вся площадь была усеяна людьми, которые спешили сюда со своими изделиями. Многие подъезжали на нагруженных подводах.

Во дворе выставки была настоящая ярмарка. От говора и толкотни стоял в ушах непрерывный шум. Мы со Степаном Ильичом и Олкиро еле протиснулись к главному корпусу. Здесь было больше порядка. У ворот, служивших входом на выставку, два контролера тщательно пропускали кустарей и посетителей. Нас быстро пропустили в здание, и мы пошли по отделам выставки.

На выставке была представлена почти вся кустарная Сибирь. Новосибирские кооператоры постарались придать выставке возможно более полный характер и представить на ней все, чем богата и славна Сибирь, ее самые дальние и глухие углы.

Сначала мы попали в шубный отдел. Тут были расставлены и висели на вешалках хорошей дубленой выделки, прекрасные полушубки и тулупы. От овчин шел густой смолистый запах. Кругом стояли скорняки и внимательно рассматривали овчины.

Неподалеку расположили свои товары пимокаты. За ними расположились шерстяные изделия.

Степан Ильич внимательно рассматривал грубые крестьянские сукна и, потирая от удовольствия руки, говорил:

— Суконце-то на вид и неказистое, но зато крепкое. Ведь оно идет на собственное потребление. Сибирский крестьянин сам себя одевает.

Рядом с грубым сукном лежали легкие сукна кустарного производства. Эти материи были сделаны так хорошо, что их, действительно, трудно было отличить от фабричных. Олкиро залюбовался крестьянскими поясами-шарфами. Шерстяные пояса были красиво затканы на льняной основе. Большой кучей навалены были варежки и чулки.

Изделий было так много, и все они были так разнообразны, что у нас глаза разбегались. Мы не знали, что раньше смотреть. Олкиро стоял около изделий из замши. Замша была выделана на славу. По этой части Олкиро был большой знаток, и, указывая пальцем, он то и дело говорил:

— Это — из козлиных шкур.

— Это — из лосиных.

— Вот — из оленьих шкур.

Кустари научились делать из замши хотя и грубоватые, но очень хорошего качества перчатки и рукавицы.

Два огромных зала отвели деревянным изделиям. Умелый художник великолепно расположил здесь разнообразную деревянную посуду.

лопаты, бочки, сундуки и мебель. Тут же стояли разного вида и формы телеги, ободья, колеса, дуги и оглобли.

Олкиро радостно щелкал по бочкам,—от них шел гулкий звон. Он объяснял:

— Сибири нужно много-много бочек для масла. Бондарным промыслом заняты целые волости.

Степан Ильич больше интересовался сундуками. Они были прекрасной работы: некоторые были обиты железными обручами, некоторые—сплошь белым и черным железом, на котором кустари вывели самые необыкновенные рисунки и узоры.

Интересно было рассматривать кустарные холсты. Долгими зимними вечерами они ткались целыми семьями при свете маленькой керосиновой лампочки. Было много мешочных холстов для торговцев. Тут же неподалеку грудями лежали канаты. Несколько поодаль висели невода и сети.

Мы повернули направо и вошли в отдел кузнечного и слесарного производства. Здесь блестяли ножи, топоры, серпы, косы и сошники. Товар был добротный. Были даже довольно хорошие ружья.

Но особенно богато был представлен кожевенный отдел. Сыромятные кожи устилали огромную площадь. Они были хорошо очищены. Кругом стояло много кустарей и рассматривали выделку, а один из кустарей объяснял:

— Вот эта без всяких морщин, потому ее расправляли на тяге.

Кругом лежали кожаные изделия: сапоги, рукавицы, хомуты. Олкиро больше всего заинтересовали бродни. Это такие неуклюжие сапоги с неочерненными голенищами.

— Очень уж они хороши на болоте. Без них не обойтись.

Обувь была большей частью крестьянская, грубая и дешевая.

У нас положительно рябило в глазах от долгого хождения по залам. Мы начинали чувствовать усталость. Однако, Олкиро настаивал, чтобы мы еще осмотрели некоторые отделы. По его настоянию, мы осмотрели сделанные крестьянами кустарные сельскохозяйственные орудия, полюбовались молотилками, веялками и боронами и направились к выходу.

— Нам надо спешить,—торопил Степан Ильич, вынув расписание поездов, помахал им перед самым нашим носом.

У МАСЛОДЕЛОВ

Попали мы на маслодельню кооперативной артели в самый разгар работы. Помещение было очень опрятное; видно, здесь строго следили за чистотой. Маслоделы были в белых фартуках с кожаными манжетами. Кругом стояли большие чаны с молоком. Снятые сливки были расставлены в больших кувшинах. Работа сепараторов шла полным ходом.

Староста артели повел нас по обширному помещению завода и долго показывал нам, как делается масло. Оно было жирное и ароматное, от него шел здоровый и приятный запах свежего молока. Масло тут же при нас тщательно упаковывалось в бочки для отправки на железную дорогу.

— Через две-три недели это самое масло будет на заграничном рынке.

Олкиро заинтересовался, каким образом оно будет туда доставлено в такой короткий срок. Староста артели начал подробно объяснять:

В последние годы стали отправлять специальные масляные поезда, состоящие из одних белых вагонов-ледников. Эти масляные поезда отправляются в порты. Больше, чем на двухстах станциях, устроены льдохранилища, чтобы масло не портилось по пути. Кроме того, в портах устроены обширнейшие ледники-маслохранилища для хранения масла до погрузки на пароходы.

Олкиро заинтересовался развитием маслоделия в Сибири. Староста оказался человеком, хорошо знающим это дело. От него мы узнали, что до войны производство масла доходило до 89.000 тонн в год. В Сибири было около 4.000 маслодельных заводов, правда, из них многие кустарного типа. Во время войны и революции маслоделие было почти разрушено. Делали масло только дома маленькими сепараторами. Но вот уже три-четыре года, как маслоделие восстанавливается

и начинает догонять довоенное производство. Теперь строится много новых маслодельных заводов. В 1925 году вывезли за границу масла на 32 миллиона рублей.

— Конечно, — говорил нам староста — это только составляет половину того, что вывозилось за границу до войны. Но мы быстро идем вперед и надеемся в течение ближайших лет не только достигнуть довоенных размеров, но значительно их превзойти. Этому делу очень поможет то, что огромное большинство сибирских маслоделов кооперированы. Сибирские маслоделы охотно идут в кооперацию: она избавляет их от хищничества скупщиков, понижающих цены. Кооперация старается всеми силами улучшить качество вывозимого за границу масла. Она применяет все новейшие способы обработки и в то же время принимает меры к тому, чтобы масло по пути не подвергалось порче.

— Близко время, — говорил староста — когда наше сибирское масло ни в чем не будет уступать знаменитому датскому маслу и на заграничном рынке будет пользоваться заслуженным успехом.

Когда мы выходили из здания завода, то увидели много подвод с молоком. Крестьяне везли свой удой на кооперативную маслодельню, сдавая его по очереди. Молоко принималось быстро, так же быстро опоражнивалась посуда и отдавалась владельцу, который устанавливал ее на

подводу и выезжал из огромного заводского двора.

Староста артели проводил нас до самых ворот. На прощанье он сунул нам маленький игрушечный боченок, от которого несло запахом только что сбитого свежего и ароматного масла. Вечером мы ели его с большим аппетитом. А Олкиро, показывая два ряда белоснежных зубов, весело причмокивал.

— А недурное ведь маслице-то... Угощайтесь, угощайтесь! Мы уходим из городов и скоро заберемся в такую глушь, где угощений никаких не будет. Подкрепляйтесь, ребята... Впрочем, орешков будет вволю.

В КЕДРОВНИКЕ

Мы забирались все глубже и глубже в таежную кедровую чащу. Мы шли по топкому моховому ковру. То и дело попадались кучки папоротников и приземистых кустарников брусники и черники. Кое-где росла черемуха и смородина. В тайге было сыро. Царил полумрак. Чем ближе мы спускались к реке, тем явственнее становились следы вырубок. То и дело виднелись обугленные пни и стволы. Разросшаяся мелкая поросль разредила лес. На приволье раскинулась богатая травяная растительность гигантских размеров (рис. 1). Через эти травяные заросли порой нельзя было пройти и приходилось делать круг. Кедры были

низкие, толстые, сучковатые. У некоторых ветви спускались почти до земли.

Рис. 1. В тайге пышным ковром расстилась богатая травяная растительность.

Мы увидели лазока. К рукам и ногам его были привязаны на небольших подушечках железные когти — «кошки», при помощи которых он с ловкостью обезьяны легко и быстро взбирался на самую вершину кедра. Оттуда железным крюком, насаженным на двухаршинный черен, он пригибал ветви и обрывал с них шишки. Когда лазок уже спускался вниз, одна из веток слегка хрустнула. В один момент лазок с кошачьей ловкостью прыгнул на другую ветвь и цепко ухватился за нее руками. Он был на волосок от гибели. Однако, этот кошачий прыжок для лазока был самой обыкновенной вещью. Не дав себе передохнуть, он тут же сшиб крюком большую шишку и с неутомимой энергией продолжал свое дело. Шишек внизу становилось все больше и больше. Тогда он медленно спустился вниз и стал сгребать их в кучу.

Кедровая чаща становилась все гуще, нога путалась в траве и валежнике. Поднявшись на пригорок, Олкиро провалился в пустой ствол сгнившего дерева. Степан Ильич долго над ним подтрунивал, пока сам не увяз в мокрой черной земле. Раз даже он провалился в яму. Иногда мы обходили слишком густые заросли. В таких случаях приходилось прибегать к помощи топора, перерубая заросли там, где ничего нельзя было сделать руками.

После двух лет весьма скудного сбора ореха выдался на редкость урожайный год. По чаще было рассыпано много групп лазоков. Некоторые

бросали пашни и сенокосы и приходили за десятками верст целыми семьями собирать шишки. Их прельщал легкий заработок. Лазоки тут же, у особо устроенных срубов или ям, раскинули целое ореховое производство. Женщины и дети с помощью скалок с вырезанными зубцами быстро

Рис. 2. Работа в недровнике шла на всех парях.

шелушили шишки (рис. 2). Кое-где шишки молотили цепями. Размолоченные шишки просеивали на особых решетках и ссыпали в срубы или ямы, где орех лежал до самой зимы, когда его на санях перевозили домой.

Нас облепляла туча комаров. От них нельзя было укрыться. Овода и слепни тоже кусали

немилосердно. Мы предусмотрительно закрыли лицо и руки кисеей, но «пауть» умудрялась пролезть в незащищенные места и кусать так, что мы изнемогали. Степан Ильич впал в ожесточение. Он давил оводов и слепней массажи, но это не помогало. Они набрасывались на него еще с большей яростью.

Вечером мы зашли в деревню и решили попросить ночлега в ближайшей юрте.

В ТАТАРСКОЙ ЮРТЕ

Смуглый татарин со скуластым лицом, жесткими волосами ввел нас в бревенчатую четырехугольную юрту (рис. 3). Посреди юрты стояла четырехугольная глиняная плита. Юрта освещалась лишь отворенной дверью или очагом, который всегда топился. Вдоль стен шли лавки. К потолку была подвешена доска, на которой ставили домашнюю посуду: деревянные чашки, ложки, решето с исколотой шилом сыромятной кожей, вместо сита. Лавки вдоль стен служили также постелью. Нас поместили на лавке против очага и двери, как гостей. В юрте чувствовалась большая теснота, и каждая щель поэтому была использована. Кругом висели разные сумочки и ленты, и были воткнуты ножи. Рядом с ними, на стенах, навешаны были полотенца с русской вышивкой, разные лубочные картины с изображением видов различных городов.

Наш хозяин носил холщевую рубаху, которая спускалась на колени, и такие же холщевые штаны, вправленные в голенища сапог. На голове был обыкновенный русский картуз. Татарка, встреченная нами во дворе, видимо, старалась избежать встречи с нами и быстро исчезла. Только две девочки, лет 10—12 со множеством

Рис. 3. Мы подешли в юрте.

косичек, в которые они впили стеклярус и маленькие с наперсток колокольчики, неотступно вертелись около нас. У старшей за поясом висела трубка и мешок с табаком.

— Тут курят все, — объяснил нам Олифер, — не только мужчины, но и женщины.

Стояла сильная жара. Старшая девочка, державшая в руках нечто вроде веера из хвоста глухаря, старательно обмахивалась от комаров и мошки. Приняли нас очень гостеприимно. Однако, пища была довольно скудная. Поставили большую миску с «толканом». Это была поджаренная ячменная крупа с чаем. На сладкое нам дали мед и орехи.

Вечером к хозяину пришло несколько татар. Все вышли во двор и расселись на бревне. Разговор шел о кедровнике и об орехах. Один рассказывал, как ему довелось присутствовать два года назад в остяцкой деревне при жестокой расправе с лазоком, который, устав лазить по веткам, подрубил кедр. Конечно, с лежачего кедра легче было собирать шишки. Но тут нагрянули два остяка. Порубка кедра считается у них большим преступлением. Раздев виновного до нага, они тут же повесили его на суку на съедение комарам и муравьям. От рассказов о расправах остяков с порубщиками и о строгостях окружного совета разговор перешел на доходы. Иные хвастали, что соберут не меньше 300 мешков, т.-е. более 100 пудов орехов. Некоторые лазоки строили различные планы о том, как поднимут свое хозяйство, если сбор орехов даст хороший доход. Вся беда от скупщиков. Эти жадные акулы норовят скупить орехи подешевле.

— Теперь еще ничего,—сказал один из лазоков—а бывало раньше, до советской власти, от

скупщиков не увидишь и роша ломаного. При-
тащатся со всех сторон с запасом вина и начинают
обмен. Пьянство такое пойдёт, что месяц целый
дым стоит коромыслом. Долго в себя трудно
притти. Теперь не то. Скупщикам волю не дают.
А в некоторых местах кооперация занялась оре-
хом и даёт правильную цену.

НАРЫМСКАЯ ГЛУШЬ. В МИРЕ ОТВЕРЖЕННЫХ РАЗЛИВ

Олкиро нас предупреждал об огромных разли-
вах сибирских рек и озёр и о болотах в этом
мрачном и пустынном крае. Само название «На-
рым» означает «болотистая страна». И действи-
тельно, мы вскоре очутились в низине, затопляе-
мой водой на сотни верст. Всюду, куда ни кинешь
взор, вода, и одна дорога — водная, на лод-
ках. Да ещё дымятся нездоровым паром не-
пересыхающие болота, местами голые, местами
покрытые лесом. Из воды часто торчат деревья
и глядят кустарники. Кое-где поднимаются пло-
ские холмики, по местному «тривки» и «веретья».

Весенний разлив давно уже кончился. Однако,
кругом на десятки верст тянулись непросы-
хающие озера и озерки. Среди бесконечных
протоков и истоков нам пришлось долго и му-
чительно пробираться вперед, пока, наконец, нам
не удалось добраться до болотных лесов.

В этих пихтово-еловых лесах царит постоянный сумрак и сырость. Здесь так мрачно и угрюмо, что невольно тянет поскорее отсюда выбраться (рис. 4). Зато хорошо, видимо, чувствуют себя тут мхи. Они развернулись пышным многоцветным ковром и не только стелются по земле, но и лезут вверх по стволам деревьев и по ветвям, прилепившись к ним седыми прядями бородастых лишайников.

В ПОРЧЕНОЙ СЕМЬЕ

Когда мы, наконец, добрались до деревни, там было пустынно и мрачно, как и в болотистых лесах. Мы подошли к первой избе. Собака на цепи залилась хриплым воющим лаем. Из низкой двери показался низенький уродец, с необычайно толстой шеей, спадавшей на грудь рыхлым зобом. Он посмотрел на нас очень недоверчиво и неохотно поздоровался.

— Дохтура?—спросил он, и в голосе его слышалась сильная тревога. При этом особенно подозрительно он смотрел на Степана Ильича.

По суровому приему и тревожному вопросу сразу можно было понять, что врачи здесь не очень приятные гости. Мы поспешили успокоить хозяина, и тогда он довольно вяло и неприветливо пригласил нас в избу. В низкой полутемной комнате, с нависшим потолком и небольшим оконцем, стоял удушливый запах кислых щей,

смешанный с дымом. На полу возилась куча грязных полуодетых ребятишек, которые, увидев неожиданных гостей, тотчас же забились в дальний

Рис. 4. В лесу было мрачно и угрюмо.

угол, под стол, и оттуда бросали на нас испуганные взоры. За столом кухарила высокая женщина в заплатах кофте, вся обезображенная разрушительным сифилисом. Нос давным-давно провалился, и на его месте краснели две стянутые рубцами впадины. Верхняя губа справа тоже была наполовину изъедена беспощадной болезнью.

Наше первоначальное намерение здесь обосноваться на ночлег, конечно, пришлось оставить.

Хозяйка все время самым бесцеремонным образом разглядывала нас с ног до головы. Повидимому, мы ей тоже внушали сильное подозрение. Потом начался подробнейший допрос.

Олкиро и Степан Ильич терпеливо давали объяснения. Вздурораженные хозяева стали понемногу успокаиваться.

— А мы думали, дохтура с фершалами... Слава те, господи!..—ревностно закрестилась хозяйка.

— А кого они тут лечат?—стал в свою очередь осторожно выпытывать Олкиро.

— Сказать правду—всех лечат, всех тормозят. К Рождеству вот как понаехали—всех погнали на осмотр. Целую неделю мучили, нехристи окаянные, стариков и детей... Из Томска бумагу представили—от здрав-комиссара, чтобы, значит, всех лечить. Школяров и тех доглядывали и все записывали в книжечку. Стариков и старух не пощадили. Чистое наказание...

Степан Ильич попробовал мягко урезонить:

— Для вашей же пользы... Как сами видите, вы—больные, значит...

— Значит—бурио подхватила посвистывая носом хозяйка—измывайся?.. Которые, примерно, порчены или зобасты—они сами за себя отвечают... Сами лечим... Знаем, чем... А ты в чужую кашу не лезь...

Низенький толстый зобач больше молчал, отделиваясь одобрительным мычанием. Он, видимо, давно решил, что ему бесполезно состязаться в красноречии с женой и безропотно признал ее первенство.

Конечно, в этих людях говорила вековая тьма. Наши осторожные возражения приводили их в еще большую ярость. Мы поняли, что нельзя часовой беседой переубедить несчастных: тут нужна долгая, долгая работа и, главное, показ. Надо, чтобы люди собственными глазами увидели и убедились, что лучше лечиться и выздоравливать, чем заживо умирать.

Мы отказались от предложенных щей, и, распрощавшись, двинулись по длинной улице к сельсовету. В пути то и дело встречались зобастые и «порченные». Повидимому, болела вся деревня—от мала до велика.

Олкиро грустно заметил:

— Вы видите? Ни одного здорового лица. Одна ходячая зараза...

СЕЛЬСОВЕТСКИЙ СТОРОЖ

В сельсовете в этот час было пустынно и тихо.

Сторож—человек лет пятидесяти, с изрядным зубом, охотно согласился устроить нас на ночлег в совете.

— Делегаты будете? Давеча тоже проезжали делегаты. «Про вашу, говорят, деревню наслышались, как вы, значит, все страдаете—решили лично убедиться, чтобы начальству повыше подробно доложить». Председателя за полночь выспрашивали и я, значит, тоже рассказывал как есть, чистую правду.

Сторож оказался очень добродушным и словоохотливым человеком. От него мы узнали, что вся округа болела всегда—испокон веков: и отцы и деды. При царской власти никто по этому поводу не тревожился. Изредка приезжал царский чиновник в погонах или земский барин. Брезгливо посмотрят, иной платком нос прикроет, и уедут без всяких последствий. После них только сильнее пойдет беспробудное пьянство.

— Потому—вдохнул старик—и видели мы, что всеми забыты и оставлены и заживо, стало быть, сгнивай...

— А теперь?—поинтересовался Олкиро.

— Теперь народ видит, что стараются об нем... Из Томска даже наезжают. Объявлений сколько прислали—он указал на увешанные кругом стены. Книжечки бесплатно посылают. Все чаще и

чаще наезжать стали. И свои все ребята. Горе народное чувствуют. Только народ уж очень темный у нас...

КАК ЛЕЧАТ ЗНАХАРИ

Степан Ильич рассказал о том, как нас встретили в избе. Сторож на это быстро возразил:

— Сами себе враги... Собственной пользы не понимают. И правда, много-много еще таких, особенно из стариков. А вот парии и девки все больше на нашу сторону переходят. Лечиться начинают. Скоро, слышать, здравотдел амбулаторию откроет. Будто в Томске такое решение вышло. Вот, которые противятся, они своими глазами и увидят.

Сторож был полон веры в лучшее будущее.
— Пущай—говорил он нам—они егозят. Темнота, одно слово.

При этом он вытащил из кармана замусоленную зачитанную книжку и ткнул пальцем в знакомое место.

Вот правильно тут говорится: темнота народная. Так и есть.

Он рассказывал нам про ужасные способы лечения в деревне. Лечат знахари и знахарки конским пометом и разными настоями на святой воде. Мажут деревянным маслом со спиртом всех, целой семьей, поочередно, одними и теми же руками и грязными тряпками. Шепчут молитвы и

заговоры. Одна знахарка, Авдотья Карповна, из соседнего поселка сюда приходит с бутылкой и стаканчиком. Всем под-ряд преподносит из этого стаканчика желтую муть. Председатель несколько раз отбирал, грозился арестовать. Тайно стала пить. Она же—Авдотья Карповна, и примочки дает, всю шею растравит, а потом залечивает, а ты ей деньги давай. Знахари, больше всего мутят, и народ темный восстанавливают.

РАНЫШЕ И ТЕПЕРЬ

— А вы в Совете-то меры принимаете?—допытывался Олкиро.

— Принимаем, голубчики. Да только строго-стями тут ничего не попишешь. Понимать надо... Народ тоже напуганный—сильно напуганный. Боятся наш народ, потому что при царях и дворянах ласки никакой не чувствовал. Народ ласку должен видеть. Больной—он злобой пышет. Ты его успокой на ласковом слове, пригрей—он ласку любит... Помню, как при Николае сюда приезжали фершала с доктором—оспу ставить. Сигнали баб с детишками. Ножи свои блестящие вытащут, вертят. Дети—в рев, бабы—креститься. Перепугали весь народ. Вырезать нас приехали... Калечить детей наших будут. Все задним ходом к дверям попятись. Чуть убийство не приключилось. Фершалов прижать хотели. Еле выбрались. Я и сам тогда сильно сомневался насчет ножей... А бабе моей—так

каждую ночь спились в белом да с длинными ногами. Кричит, бывало, во сне, будит.

Мы пили мутноватый чай из больших кружек и слушали путанные рассказы сторожа. Приближалась полночь. За окном нависла густая темь. Не видать ни зги. Сырость проникла в закрытые окна и двери. Хотелось завернуться в теплое одеяло и заснуть. Ночные шумы за окном мерно и гулко отдавались в ушах. А сторож неугомонно рассказывал про прошлое и строил заманчивые планы на будущее. Было приятно и легко засыпать под его баюкающие надежды.

С БОРТА ПАРОХОДА

Олкиро, еще в Москве, сообщил одному своему другу детства, живущему в городе Сургуте, что скоро будет в Сибири и в недалеком будущем побывает у него лично. Еще совсем мальчишками Олкиро и его друг вместе пасли стадо. Потом уже в Сургуте они вдвоем мечтали о новой жизни. Олкиро удалось осуществить свои мечты и уехать в Москву, а его друг так и остался в Сургуте. Теперь, по слухам, он служил там продавцом в потребительском обществе. Олкиро не видел его около десяти лет и хотел во что бы то ни стало свидеться с ним поскорее. Мы сели на пароход и двинулись вниз по Оби.

Пароходик был маленький и старенький. Палуба — грязная, и на ней была набросана в

беспорядке масса всякого груза. Степан Ильич в первый же день познакомился с капитаном. Тот нас пригласил на верхнюю площадку. Мы были этому очень рады, потому что с верхней площадки было гораздо удобнее обозревать реку и берега.

ПО ТЕЧЕНИЮ ОБИ

На Алтайских горах, видимо, недавно прошел сильный ливень. Это сразу сказалось на течении Оби. Оно стало более быстрым. С каждым днем погода менялась к лучшему. Потом пошли совсем ясные дни. Солнце скупно поблескивало на воде, и мы видели каменистое дно. Все же мы подвигались очень медленно, вследствие частых порогов и мелей, препятствующих судоходству.

Недалеко от устья Ини долину Оби пересекает Сибирская железная дорога. Ниже впадения Ини долина Оби значительно расширяется. Берега все время идут низкие, болотистые, лесистые. То правый, то левый берег возвышается. Все чаще выступают береговые яры и обрывы.

Олкиро хорошо знал все эти места. Ему не раз приходилось по ним проезжать. Он то и дело указывал нам на бедные остяцкие деревушки, приютившиеся, как ласточкины гнезда, на берегу, и при этом говорил:

— Здесь я жил... Много лет назад...

В другом месте он ткнул пальцем в пространство и сказал:

— Пять лет моей жизни было бесплодно убито на этом берегу. И все-таки я не жалею...

Чем ближе мы подвигались к Сургуту, тем чаще Олкиро возвращался к воспоминаниям о своем друге. Близость встречи сильно волновала его. Он вслух мечтал о том, как постарается теперь уговорить его бросить эти места и переехать в Москву на новую жизнь.

— Мой долг ему помочь. Мы все ему поможем. Неправда ли?..

За время нашего пребывания на борту парохода Степан Ильич, благодаря свойственной ему общительности, очень близко сошелся с капитаном и целые часы проводил с ним на рубке. Капитан объяснял нам много явлений по пути. Поближе к Сургуту, следы разлива Оби чувствовались весьма заметно.

— В этих местах,—сказал капитан—Обь разливается огромным озером на полсотню верст в ширину и имеет много протоков и островов. Благодаря одновременному высокому подъему воды, до четырех и более метров, и усилению скорости течения, Обь ежегодно меняет здесь свое русло. С одной стороны находится главный правый проток, который называется «Большая Обь», до двух верст шириной, а с другой — левый проток, поуже — «Малая Обь».

И действительно, разлив здесь был огромный. Бурные потоки воды разлились по окрестным низменностям. Наш пароход имел на одной из

пристаней двухчасовую стоянку. В бинокль капитана мы видели, как береговое население лихорадочно переправляло свой скarb и скот на противоположный возвышенный берег. Переправа шла на больших лодках. Женщины волновались, дети плакали, коровы мычали, чуя серьезную опасность. Первые этажи изб были уже затоплены. Жители перебрались на верхний этаж, с которого на лодках сообщались с правым берегом. Здесь левобережцы старались устроиться поудобнее, где, кто и как мог — под открытым небом или под гостеприимным кровом сердобольных соседей правобережцев. В более бедственном положении находился в дни наводнения скот, который тщетно выискивал в урманах прошлогоднюю траву.

ПОСЛЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ

Мы подъезжали к городу Сургуту. Город стоит на правом возвышенном берегу Оби, сплошь покрытом вековыми хвойными лесами. Он с трех сторон словно осажден этими лесами. Внизу хмуро течет разлившаяся на десятки верст Обь. Противоположный берег ее еле-еле вырисовывается вдали туманными очертаниями. Явственно виднеются лишь небольшие островки, заросшие густой хвоей. Водная даль уходит к горизонту, у которого темнеет черная лента густых лесов.

Найти в Сургуте Мулту не представляло никаких затруднений. Надо было лишь зайти в местное ЕПО. Олкиро вошел в лавку с сильно бьющимся сердцем. Он внимательно оглянулся по сторонам, но, очевидно, среди продавцов не нашел того, кого искал. Тогда он обратился к среднего роста человеку в засаленном пиджаке, с небольшой черной бородкой и мягко приглаженной прической.

— Не скажете ли вы мне, где я могу найти Мулту?

— Это я, — сказал человек и пытливо посмотрел в глаза Олкиро.

Они бросились друг другу в объятия и уже после этого долго и пристально всматривались друг другу в лицо, как будто не веря глазам своим. Вскоре Мулта, поговорив кое с кем в лавке, взял свой картуз и вместе с нами отправился на свою квартиру. Шли мы по широкой немощеной улице города, скорее напоминавшего большой поселок. Друзья оживленно беседовали. Говорил больше Олкиро. Мулта же только изредка вставлял отдельные короткие фразы.

За десять лет, которые друзья детства не виделись, Мулта сильно изменился. Олкиро с трудом узнавал в нем прежнего юношу. Теперь это был рослый двадцатипятилетний человек с маленькой, растущей отдельными беспорядочными клочками на подбородке и угреватых щеках бородкой и с почти детскими голубыми глазами.

Олкиро проводил с ним целые вечера. Иногда они засиживались далеко за полночь. Им было о чем вспоминать. Они вспоминали далекие годы, когда вместе в этих краях переходили со стадами. Вспоминали, как они вместе целыми месяцами пропадали на реке, работая с рыбаками. Как теперь все это изменилось!..

У Мулты и теперь были широкие планы. Несмотря на свои двадцать пять лет и на то, что весь ушел в практическую работу, он и теперь в любой момент готов был все это бросить и поступить на рабфак учиться. Олкиро и Степан Ильич своим сочувствием еще более разжигали в нем затаенные мечты.

Мы устроили нечто вроде заседания друзей. Мулта изложил нам свои планы. Он хочет поехать в Москву учиться. Все мы единодушно выразили ему одобрение. Степан Ильич обещал даже в Москве оказать ему содействие; он был близок с преподавателями одного рабфака и надеялся, что они помогут Мулте.

— Но предупредил он, — надо готовиться. Теперь экзамены — строгие. Не то, что было года 2—3 тому назад.

Чем ближе становился день отъезда, тем Мулта становился грустнее и беспокойнее. Очевидно, его мучило сомнение: уедут и забудут. Олкиро понимал чувства своего друга и много раз повторял:

— Не беспокойся, Мулта. Ты лучше садись за книжки. Наверное, в Сургуте найдутся люди, которые сумеют помочь тебе в учебе.

Олкиро и все мы были, между прочим, очень удивлены тем, что сюда не получилось никаких писем на наше имя. Несколько раз мы ходили в почтовое отделение справляться.

— Чтобы это значило, Мулта? Мы в Москве дали твой адрес и ждали сюда кучу писем—и ни одного! Словно, Москва сквозь землю провалилась.

Степан Ильич оставил в Москве жену и четырехлетнего сына, которого он, видимо, очень любил и о котором частенько вспоминал. Правда, он мало беспокоился. Жена его была молодая энергичная женщина и занимала весьма ответственную должность. Она была вполне надежным человеком. Сын его находился в верных руках. Однако, отсутствие писем его сильно волновало.

Через несколько дней мы оставили Мулте наш адрес в городе Кузнецке, где нам предстояло задержаться на угольных коях, и просили его всю почту переслать туда к определенному сроку.

Наконец, наступил день отъезда. Мулта был расстроен. Олкиро крепко пожал ему на прощанье руку и убежденно сказал:

— Ручаюсь тебе, Мулта, что не пройдет и года, как мы будем с тобой уже в Москве. Смотри только, подготовься хорошенько к экзаменам.

Олжиро захотелось вспомнить былое. Его сильно тянуло к реке и рыбакам. Мы решили пожить некоторое время в остяцкой прибрежной деревушке.

С ОСТЯЦКИМИ РЫБАКАМИ

Мы двигались вниз по Оби в направлении к Березову. Воды в реке было мало и течение было столь медленно, что казалось пароход стоит на одном месте, не двигаясь. В действительности же происходило следующее. Река очень медленно меняет свое русло. Она застаивается и начинается ее порча, загнивание, которое здесь называется «замор». Замор начинается с первых морозов, когда река затягивается льдом и тянется до весны.

По всему нижнему течению Оби вода была с красноватым оттенком. Мы попробовали ее: она оказалась очень неприятной на вкус и выделяла пузырьки. В стакане она давала красный осадок. Замирание воды многие объясняют тем, что ручьи, вытекающие из болот, содержат в себе много железа.

Прибрежным жителям «замор» дает большие выгоды. Рыба во время замора не выносит обской воды и массами устремляется вверх до Сургута и низовьев Иртыша. Рыба, не успевшая выбраться из полосы замора,дохнет массами. Спасаясь, она сплошной массой плывет к источникам со свежей водой. Здесь рыболовы ловят ее без труда в большом количестве.

РЫБА ТРОГАЕТСЯ—ИДУТ ПОДГОТОВЛЕНИЯ

Наши друзья, остяки Иван и Андрей, с которыми мы быстро подружился, были ловкие рыболовы. Свое дело изучили они в совершенстве. Знали реку на пространстве сотен верст, как свою юрту. А уж рыба не могла обмануть их бдительность. Они тонко изучили все ее привычки и знали наперед, когда и куда она двинется.

Был конец мая. Лед уже сошел. Обь совершенно очистилась и лениво катила свои темные волны. Начиналась «вонзь». Рыба сплошной массой входила в Обь. Двигалась она медленно, устремляясь в приречные котловины, «соры» и луговые речки. В этих местах было много личинок насекомых, много раков, и рыба находила себе здесь хорошее питание. Ей не хотелось отсюда уходить. В «сорах» она задерживалась, пока не начиналась убыль воды, — тогда она поднималась и шла к поверхности Оби и ее притокам. Здесь она метала икру.

Наши рыболовы знали, что стерлядь из глубоких ям, так называемых «юровых», где она имеет долгую зимнюю стоянку, идет метать икру к заливным лугам, а осетры с моря направляются к верховьям Оби и на ходу мечут икру в глубоких ямах. Когда для них стало ясно, что рыба трогается, Иван убежденно сказал:

— Ну, товарищи, пора готовить «чердаки».

Началась большая работа. Прежде всего нужно было устроить около берега заграждение. Затем к длинной жерди прикрепили большие четырехугольные сеточные мешки. Когда рыба входила в эти мешки и касалась сетки, она дергала за одну из прикрепленных к сетке ниток. Концы наверху держал в своих руках Иван. Он быстро задернул чердак.

Наши остяки знали, сколько времени рыба будет оставаться в «сорах». Они сплошь загораживали протоки от «соров» и вылавливали рыбу неводом.

Когда Иван и Андрей вытаскивали невод, и на дне лодки начинали беспомощно барахтаться осетрики, стерлядки и сиговая молодежь, они с увлечением повторяли:

— Хорошая рыба, вкусная рыба!..

КАК ЖИВУТ ОСТЯКИ

Остяцкая деревня, в которой мы жили, была очень бедна. Жителей терзала вечная нужда. Вели они суровую борьбу за существование. Среди жителей мы заметили много больных. Чаще попадались просто слабые с впалой грудью, с потускневшим взором. У некоторых узкогрудых бедняков глаза постоянно гноились, и они вытирали их грязными руками. Многие не знали, что такое гребенка. Их нечесанные космы сбились комьями и падали на плечи спутанными прядями.

Юрта наша была очень бедная, грязная и темная. Бревна от времени побурели. Плоская крыша из дерна вся покособилась. Пристроенные спереди небольшие сени были завалены хозяйственными принадлежностями. Чувал, устроенный в углу, имел выходящую наружу прямую трубу. Труба закрывалась куском дерна, и от этого чувал сильно дымил.

Кормили нас, большей частью, рыбой. Иногда давали еще мутный чай и варили какую-то похлебку из муки, мяса и жира. Степан Ильич долго не мог привыкнуть к «варке» из рыбных кишек с рыбьим жиром. Зато ему очень нравились лепешки из ржаной муки, которые пеклись довольно странным способом. Их втыкали на палочках в землю и держали долго около огня, пока они не испекутся. В дни, когда выдавалась большая работа и некогда было варить мясо, рыбу ели в сыром виде, без соли. Степан Ильич сначала отворачивался, потом стал привыкать. Привык он и к тому, что вместо тарелок и чашек употребляли маленькие корытца, и что собакам давали кушать из этих же самых корытц.

Вечером, в часы отдыха, мы сидели на широких скамейках вдоль стен, прикрытых мочалами или шкурами. В небольшой юрте около пяти аршин в длину и столько же в ширину, жило несколько семейств вместе с собаками. Нетрудно себе представить, какая здесь была теснота, грязь, и какой здесь стоял ночью тяжелый воздух.

Олкиро нас тогда утешал:

— В летней юрте остяка жить будет куда приятней... Летом, рассказывал он, остяки устраивают шалаши из жердей, прикрывают их берестой или оленьими шкурами. Только в таких шалашах еще темнее, в них нет ни окна, ни чувала. Разводят огонь прямо посередине юрты на земле, и дым выпускается через отверстие в потолке.

Мы ни разу не видели, чтобы кто-нибудь в юрте умывался. Неопрятность была так велика, что даже Олкиро затыкал нос и под благовидным предлогом приглашал поскорее выйти на вольный воздух. Эту неопрятность еще усиливали постоянный дым и копоть от очага в юрте.

ОСТЯЦКИЕ ПОХОРОНЫ

Однажды утром Олкиро, ввалившись в юрту, сообщил нам, что сегодня состоятся похороны одного умершего остяка.

— Если хотите посмотреть, надо идти сейчас же.

Мы поспешили, но все-таки пришли с опозданием. Покойника уже поднесли к могиле. Там было заранее приготовлено: лук со стрелами, сети, топор, нож, рог с табаком. Маленькие вещи положили в самый гроб, а более громоздкие — в сруб на могиле. Олкиро обратил наше внимание, что вещи надломлены: их старались немножко попортить.

— Все эти вещи, — объяснял с усмешкой Олкиро, — ведь крайне необходимы покойнику и в загробной жизни: ему без них никак не обойтись. И кому же, как не оставшимся, позаботиться о хорошем снаряжении дорогого покойника?

— А не объяснишь ли еще, Олкиро, зачем в таком случае портят и надламывают вещи?

— Чудаки вы — усмехнулся Олкиро. — Надлежит вам давно уже знать, что неодушевленные предметы, по остяцким представлениям, имеют тоже душу. В загробной жизни, ясное дело, душе человека может служить только тоже душа предметов, или животного. Неправда ли? Извольте ка поэтому сделать так, чтобы и души этих предметов и животных последовали за хозяином в загробный мир. Другими словами, и их надо превратить в покойников, то-есть, их надо испортить или сломать. Тогда они будут неразлучны с хозяином.

После похорон устроили поминки, при чем первый кусок положили в гроб покойнику. Туда же вылили первую рюмку. Потом началась сцена допроса покойника. Его настойчиво допрашивали о причине смерти: умер ли он по собственному желанию, или вследствие недовольства кем-либо из членов семьи. После каждого вопроса один из остяков пытался поднять гроб привязанным к верхней крышке шестом. Если ему это удавалось, все лица выражали довольство: значит,

покойник дал положительный ответ. Гроб не закопали, а оставили на поверхности земли. Над ним поставили деревянный сруб, в который заботливо уложили принесенные покойнику вещи.

На следующий день Олкиро повел нас к юрте, где жил покойник. У юрты были выставлены нож и топор острием кверху.

— Так встречают смерть на случай, если она вздумает вернуться в юрту,—смеялся Олкиро.

И ДОМА КИПИТ РАБОТА

Рыболовы работали неустойчиво, часто по 16—18 часов в сутки. Работать приходилось и в дурную погоду, когда сырость пронизывала насквозь. Вся одежда была мокрая, а в воздухе стоял резкий холод. Можно было только удивляться терпению и выносливости этих людей. Впрочем, в остяцкой деревне было немало больных. Все они жаловались на боль в суставах рук и чаще всего ног: это была болезнь от их промысла—суставный ревматизм.

В очень дурную погоду мы не выезжали с рыбаками, предпочитая оставаться дома. Но на берегу нам приходилось не сладко. Здесь все время шла лихорадочная работа. Старуха-остячка с двумя дочерьми вычищала и подрезывала рыбу по внутренней стороне хребта. Двое мальчиков пересыпали ее солью и ровными рядами укладывали в чан, который потом накрывали сверху

досками и камнями. Соль была грязная и крупнозернистая. Но так как соли в деревне было мало и ее трудно было раздобыть — рыбу большей частью сушили. Сначала отделяли голову и кости, потом провяливали мясо, а иногда поджаривали. Кое-какие сорта остячки засушивали вместе с костями. В этой работе пужны были значительный опыт и большая ловкость.

Иван умел хорошо готовить осетровую икру. Это дело он никому из семьи не доверял и сам протирали икру через железное решето. Кроме того, он готовил из осетровых плавательных пузырей прекрасный клей. Он давал его Степану Ильичу:

— Ну-ка, попробуй...

Степан Ильич добросовестно пробовал и хвалил.

— Очень, очень хорош!..

Особенно старательно изготавливались стекла из просушенной кожи налима. Иван долго пробовал такое стекло на свет и неизменно обращался к Степану Ильичу:

— Хорош?

— Хорош...

В некоторых остяцких семьях из сушеной рыбы готовили «иорс», т. е. муку, а рыбную требуху, кишки, брюшину и жирные части свины очищали и переваривали в жировую массу — «варка». Часть запасов рыбы шла на питание, а часть шла на ярмарки: в Сургут и Обдорск, где обменивалась на предметы домашнего потребления.

СУРОВАЯ ДОЛЯ

— Какой тяжелый, каторжный труд! И как уныла и беспросветна жизнь остяцкого рыбака! — думал каждый из нас, покидая гостеприимную остяцкую деревню, почти сплошь жившую добыванием рыбы.

— Вся жизнь этих бедных людей без остатка уходит на борьбу за существование... — задумчиво и грустно говорил Олкиро. — Так же жили и умирали и отцы, и деды этих рыбаков — тоже рыболовы.

— Да, — соглашался Степан Ильич, — грустная картина... Но что поделаешь?.. Как помочь?.. Конечно, можно переменить всю эту жизнь. Сюда надо кооперацию! Надо научить их новым, более усовершенствованным способам ловли рыбы... Дай, брат, сроку... Мы это сделаем. Впрочем, труд бедняка-оленевода в тундре среди пурги и вечной тьмы еще хуже. Да вот мы скоро увидим зырян и самоедов с оленями.

ЗЫРЯНЕ ОЛЕНЕВОДЫ В БЕЗБРЕЖНОЙ ТУНДРЕ

За Березовым бескрайним цветистым ковром раскинулась тундра. Мы ступали по сырой мерзлой почве, покрытой мхами и лишайниками. Кое-где виднелись уродливые кусты карликовой ивы и березы. Впереди вставали цепи холмиков, на которых поднимались хвойные леса.

Наши олени быстро шли по моховому покрову, толщиной почти в сажень. Иногда олени насто-
раживались. В этих местах моховой покров на
больших болотах и водных участках становился
тоньше. Умные животные, чуя опасность, и боясь
провалиться в трясину, ступали очень осторожно.

Казалось, тундре не будет конца. Глазу надо-
едало унылое однообразие. Потом пошли чахлые
кустарнички: вороньи ягоды, клюква, морошка,
плауны, лишайники. Кое-где поднимались лютики,
пушица, осоки, камнеломки.

Самоед, с которым мы ездили, был невысокого
роста. Зато это был настоящий крепыш: плечи
широкие, шея короткая. Скулы на его плоском
и широком лице значительно выдавались вперед,
лоб был узок и покат. Он равнодушно смотрел
на нас узкими и черными глазами. Когда он
говорил, его широкий нос двигался вместе с
зубами.

Чем дальше на север, тем тундра становилась
неприветливей. Пошла полоса уродливого низко-
рослого леса. Деревья имели безобразный и не-
обычный вид. Они не имели вершук и напоминали
больше кустарники. Их корявые стволы густо
обросли мхами и лишайниками. В этих угрюмых
краях можно было видеть вековую лиственницу
только двух вершков толщины.

Изредка попадались одиноко серевшие самоед-
ские чумы. Первое стадо оленей, которое встре-
тилось нам, было довольно большое: в нем было

больше ста голов. С этим стадом оленеводы кочевали круглый год по тундре, забираясь на крайний север. Это происходило от того, что стадо искало пипци. Ягеля (питательный вид мха) было мало. Местами он был совершенно вытоптан застоявшимися на одном месте стадами оленей. Стадо худело, понуро и безрезультатно пригибая к земле свои красивые головы. Приходилось вновь и вновь идти вперед, куда еще не успели дойти другие.

День в тундре короткий. Не успеешь, как следует, оглянуться, как на тундру опускается серый полумрак. Мы сильно устали с дороги и решили отправиться на ночлег в ближайший чум.

В САМОЕДСКОМ ЧУМЕ

Приподняв оленью шкуру мы очутились в довольно тесном круглом помещении, наподобие шалаша, покрытом шкурами оленей. Внутри было так тесно, что мы не сразу могли найти себе местечко на полу. Все помещение освещалось ярким пламенем очага, от которого едкий и угарный дым стался густым покровом. Все здесь пропахло оленем. Жилище сверху донизу было покрыто оленьими шкурами. На них же мы сидели на полу. В эти же шкуры были одеты с ног до головы наши гостеприимные хозяева (рис. 5).

Сопровождавший нас самоед быстро обменялся с хозяевами несколькими короткими фразами,

в которых довольно часто улавливались несколько измененные русские слова. Вскоре нас стали обильно кормить продуктами все того же оленеводства.

Рис. 5. Наши гостеприимные хозяева—самоеды.

Мы пили из сосудов, напоминающих чашки, а на самом деле эти чашки не что-иное, как тщательно вычищенное внутри оленьё копыто. Нам подали жирное и вкусное густое молоко,—настоящие сливки—а это молоко оказалось оленьим.

И крепкий жирный сыр, такой мягкий и в то же время приятный на вкус—тоже олений. Потом начались мясные блюда: в большой, на этот раз, глиняной чашке нам поднесли нарезанное крупными кусками мясо, внутренние органы, перемешанные костным жиром. Конечно, все это дал олень. Из его же неуспевших еще окостенеть рогов был приготовлен густой студень. Это блюдо, повидимому, считалось здесь не только лакомым, но и целебным. И к чему ни прикасалась наша рука, все было сделано из оленьих костей и рога.

НА ОБДОРСКУЮ ЯРМАРКУ

На следующее утро у чума закипела работа. Зыряне лихорадочно готовились к Обдорской ярмарке. Они отправляли туда большую партию оленьих шкур, мяса и сыра. Кожа из Обдорска переотправлялась в Россию, где из нее выделывали дорогую замшу. Весь этот ценный груз был взвален на вьючных оленей. И потянулся по снежному насту караван «северных верблюдов». Они шли твердым шагом, уверенно ступая широкими копытами по глубокому снегу, не боясь провалиться. Ни одна лошадь не прошла бы по этим неутоптаным снежным бездорожным пустыням. А олени шли, довольствуясь на пути скудным подножным кормом. С караваном отправились трое зырян и несколько самоедских семей (рис. 6).

Перед отъездом нам предложили по большой чашке теплой оленьей крови и кусок сырой оленины. Все мы отказались от этого завтрака, заявив, что сыты. Самоеды же, выпив по нескольку чашек этой крови и съев изрядную порцию сырой оленины, пошли запрягать оленей. Для нас и одного старшего зырянина запрягли крепких

Рис. 6. Олени были запряжены и ждали нас у чума.

ездовых оленей. Мы с трудом уместились в грубо-сколоченных зырянских розвальнях. Мелкой трусцой олени поволокли наши сани по непочатому белому восту по направлению в Обдорск.

Кругом лежала холодная снежная пустыня. Белый саван покрыл необозримое пространство. Дни были чрезвычайно короткие. Не успевали мы оглянуться, как уже наступала ночь. Олкиро нам говорил:

— Если бы мы приехали сюда месяца три назад, то нас встретила бы постоянная ночь. Два месяца зимой тут совершенно не видать солнца. Все время только при звездах и луне. Вот только помогает отчасти северное сияние. Можно различать тогда отдельные предметы, хотя и с трудом...

Потом дорога пошла труднее. Начались большие бугры и кочки. Олени ступали с большой осторожностью, боясь провалиться в глубокие снежные пади. Бугры местами достигали больше сажени в высоту.

Я и Степан Ильич чувствовали себя не очень хорошо в этой долгой и томительной тряске. Олкиро же посмеивался:

— Что вы, в самом деле. Олени знают, куда ведут. Вы посмотрите, как осторожно они ставят копыта.

По дороге стали выделяться покрытые снежным узором карликовые (мелкой породы) деревья и кусты. Попадались даже кривая низкорослая березка.

Олкиро вздыхал:

— Жалко, право, что вы теперь многого не можете видеть. Все покрыто снегом, все бело. Торчат эти кустики, и вы даже не знаете, что это такое. А вот побывали бы вы здесь летом, когда снежный покров весь стает. Тогда здесь совсем другая картина. Какие разнообразные пестрые узоры моховых полей и лишайников!

А сколько здесь маленьких и больших озер!.. Сейчас и грязные болотца, и озерки, и большие озера—все сковано льдом и покрыто белой пеленой. Снежная голая пустыня летом оживает. Кругом стелются серовато-белые лишайники. Растет в изобилии голубица, клюква, морошка, воронья ягода, брусника и черника. На болотах и озерках масса водяной птицы. Тут и дикие гуси, и гагары, и плавунчики, попадаются даже лебеди. Много птиц прилетает сюда издалека и здесь в осеке устраивает гнезда. Хорошо здесь летом! Хотя уж очень лето здесь короткое—всего только два месяца. Не во-время мы сюда повали. Но мы еще вернемся.

На горизонте все явственнее стали вырисовываться мутные тени. Степан Ильич, начинавший уже терять в тундре обычное терпение с надеждой во взоре вопрошающе посмотрел на Олкиро. Тот понял и не замедлил радостно воскликнуть:
— Обдорск, ребята!.. Подъезжаем!

НА ОБДОРСКОЙ ЯРМАРКЕ

ГОРОД В ТУНДРЕ

Город Обдорск ласточкиным гнездом раскинулся на откосе горы, у крутого высокого мыса реки Полуи, почти у самого впадения ее в Обь. Дома и домишки беспорядочно расположились один над другим на горе и на самом берегу под горой.

Уже при самом въезде в город можно было заметить усиленное движение зырян и самоедов. Их сразу легко было узнать по суровому костюму тундры—шубе из оленьего меха с капюшном и рукавицами. На местном языке эта шуба называется «малицей». Поверх ее была надета еще сорочка, предохраняющая малицу от дождя или снега. В виду того, что стояли жестокие холода, некоторые надевали поверх еще «гусь»—шубу такого же покроя, что и малица, но только выпяченную шерстью наружу. Ни обдорские, ни приезжающие сюда жители сурового севера не знали кожаных сапог. Их заменяют меховые сапоги, в роде чулок, обращенные шерстью внутрь, а поверх них надеваются еще пимы, т. е. меховые сапоги шерстью наружу.

Все спешили на выючных и ездовых оленях на обдорскую ярмарку.

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Мы заехали в грязный, весь заставленный санями постоялый двор-харчевню, которую содержал хозяин-русский. Собственно говоря, его трудно было отличить от северного туземца. Он говорил по-остяцки и самоедски, как настоящий остяк или самоед. Долгое пребывание в этом краю, несомненно, отразилось на нем. По внешнему его виду мы не узнали бы в нем русского, если бы он не обратился к нам на чистейшем

русском языке. Важно восседая за стойкой с разными закусками, он попеременно обращался то к одному, то к другому, отвечая каждому на его языке без всяких затруднений. С нами и другими русскими он обменивался весьма охотно короткими русскими фразами.

Кругом пили черный, как кофе, кирпичный чай и с большим аппетитом закусывали сырой мерзлой рыбой. Иные ели сырое оленье мясо. Хозяин харчевни любезно предложил нам довольно вкусно приготовленную жареную оленину с местными овощами, напоминающими не то картошку, не то репу.

ТОВАРЫ, ПРОДАВЦЫ И ПОКУПАТЕЛИ

Подкрепившись, мы отправились на ярмарку. Помещалась она в конце окраинной улицы, выходящей прямо на тундру.

Дыхание тундры наложило на всех ледяной отпечаток, но торговцы бодро и выносливо стояли у своих торговых амбаров. По обеим сторонам улицы перед амбарами выстроились ряды нарт, с которых шла не менее оживленная торговля.

Чего тут только не было: довольно красивая на вид, зырянская деревянная посуда, широкие железные листы для разведения на них огня в чуме, самые различные охотничьи принадлежности: ружья, капканы, рыболовные сети, котлы, ножи, топоры, кремни, огнива, ящики, сундуки.

На одной из нарт шла оживленная продажа кирпичного чая. Рядом торговца обступили самоедки в своих «ягушах», шубах, украшенных снаружи полосами разноцветного сукна и собачьими шкурами. «Ягушки» были очень пестры: внизу по подолу тянулась узкой лентой белая собачина, затем шла более широкая полоса красного сукна, потом — полоса черной собачины, а наверху — желтое сукно. Шуба самоедки была перевязана пестрым поясом, с большой медной пряжкой. Весь пояс был унизан медными щитками и кольцами. На голове — не то шапка, не то капор с большими отвесными полями из собачьего меха. Капор сзади был увешан различными побрякушками: кольцами, бусами, колокольчиками, которые на ходу звенели и гремели. Самоедки подолгу приценивались к разноцветному сукну для пошивки зимней женской одежды; затем они переходили к кольцам, побрякушкам и поясам.

Вся улица была полна толкотни, и шума. В ушах стоял громкий звенящий говор. С разных концов далекого севера сюда навезли самоеды всякого добра. Больше всего навезли пушиного товара, но было много и всякого рода рыбы. Кроме того, тут можно было найти еще некоторые диковины. Степана Ильича особенно заинтересовали мамонтовые кости, моржевые клыки, тюленьи шкуры и другие предметы, говорившие о близости Ледовитого океана. Остяки привезли сюда свои изделия: травяные циновки «тагары»,

травяные подстилки, чаги (грибовидные наросты на деревьях), замороженный жир, морошку, зимнюю рыбу, собачьи шкуры.

Все эти товары быстро покупались и продавались, главным образом, в обмен. Обдорская и березовская кооперация были представлены очень слабо. Она еще не успела проникнуть на далекий север. Благодаря этому на ярмарке господствовали частные скупщики и, конечно, во всем надували жителей. Вот, например, один из них, выследив въехавших в город с товарами самоедов, уговорил их заехать к нему в дом. Как только те въехали, тотчас же заперли ворота и начался мокрый «торг» — широкая попойка. Водка, разбавленная водой, сдабривалась для крепости табаком, мухомором или другим дурманом. В результате «гостеприимные хозяева» получали товар по баснословно дешевой цене, а скупщики тут же ловко сбывали по тройной цене самоедам и остякам всякого рода завадь, не нашедшую себе сбыта. Во время этих попок совершенно охмелевшие самоеды так громко пели свои протяжные заунывные песни, что их голоса ночью хорошо были слышны на улице.

С СЕВЕРА НА ЮГ

Полные впечатлений шумливой ярмарки, мы вечером долго не могли уснуть на своих жестких постелях. Олкиро тоже не спалось. В густой

тьме комнаты появились отсветы его трубки. Он курил и, видимо, думал.

— О чем ты, Олкиро, мечтаешь по ночам?— наконец, решился нарушить ночную тишину Степан Ильич.

— Думаю о многом— ответил после некоторого раздумья Олкиро.— Всего не перескажешь. Главное же, думаю я, что нехорошо здесь в тундре человеку. И что сделаешь? Лучше отсюда поскорее убираться.

— Куда же?

— С севера на юг, на Алтай, в эту сказочную страну... То, что вы увидите там, нигде больше не увидите...

НА ГОРНЫХ ВЕРШИНАХ АЛТАЯ

Мы стояли в самом центре Алтайской горной цепи, у так называемых Катунских Белков. Вершины их, острые и зазубренные, терялись в облаках. Всюду были темные ущелья, местами переходившие в широкие впадины, наполненные снегом. Вокруг было тихо.

— На эти неприступные горы,— объяснял нам Олкиро,— не мог взобраться ни один путешественник. Катунские Белки находятся в неприступных снеговых областях на высоте десяти тысяч футов.

Трудно было оторваться от этого величавого зрелища блиставших синеватой белизной гор.

Наиболее мощные из ледников тянутся в длину на 7—10 верст. Некоторые повисли над пропастью, некоторые вонзаются в небо острым белым шпилем.

Когда мы добрались до реки Зайчихи и поднялись на одну из гор, перед нами легла покрытая сочной растительностью необозримая холмистая площадь, окруженная высокими стенами гор. Тут мирно паслись табуны и стада катунских скотоводов.

ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ КАТУНСКОГО СКОТОВОДА

Седой старик, с реденькой белой бородой, смачно потягивая трубочку, с ненарушимым спокойствием сидел на пригорке и состругивал большим перочинным ножом сучки со стройной и крепкой дубинки. Зрачки его глаз были так же белы, как снежные вершины, у подножья которых он в течение долгих лет пас свое стадо.

При нашем приближении старик поднялся. Ему было, наверное, лет за семьдесят. Лицо его было изборозжено густыми морщинами. Но он встал с пригорка легко и быстро, как девятнадцатилетний юноша. Движения его были уверены и свободны. Он пригласил нас присесть рядом с собой. Вскоре между нами завязалась оживленная беседа. Мы подробно расспрашивали старика. Он охотно рассказывал:

— Вот в прошлом году зима была очень снежная. Да выдалась еще поздняя весна с гололедами. Тяжело было... Скот валился тысячами.

— А сена не заготавливаете?

— В этом году стали заготавливать, а в прошлом—совсем не было.

— Надо бы вам строить теплые загонь для скота,—задумчиво и наставительно вставил Степан Ильич.—А то ведь скотина тоже чувствует выюгу и мороз.

— Да где уж нам! Вот маленьких ягнят и телят—тех забираем в юрты, а то помещаем в ямах или срубах. А на взрослый скот не настроишься. Много ведь у нас скота. У иных до сотни голов. Только скотом и живем.

— А кто же за ним смотрит?

— Да вот раза три в неделю наведемся. Посмотрим, где пасется скот. Он сам за собой смотрит.

— А доите когда?

— Только летом. А телят пускаем к матке всю весну.

— А молока много?

— Как когда. Какой корм и какой скот!

— А кобыл тоже доите?—спросил Степан Ильич.

— Как же, конечно, и овец, и коз. Да их доим мало. Только когда не хватает молока.

— А с молоком что делаете?—продолжал Степан Ильич.

— Из сливок делаем масло, а из снятого молока готовим араку.

Зазубренные гребни гор спускались в обе стороны. Снежные вершины нависали над нами густыми кучами, похожими на облака. Так же, как облака, они, казалось, плыли в даль и меняли ежечасно свой цвет и свои формы. От снега и от гор воздух кругом виднелся белесовато-синим и таким прозрачным, что все предметы казались очень близкими. Все это нам резко бросалось в глаза во время нашей беседы со стариком. И как-то странно казались его жалобы. А он все так же жалобно продолжал говорить и жаловаться на болезни скота, главного кормильца алтайских жителей.

— Нет года,—вздыхал он,—чтобы не было у нас, или где поблизости, чумы или сибирской язвы.

— Да как не быть,—вставил Олкиро—ежели вы никаких санитарных предосторожностей не принимаете. Снимаете кожу навших от болезни животных и продаете. Сами заразу разносите. Трупы заразных животных не закапываете, а оставляете в поле. А то бывает еще, что их зарываете вблизи источников питьевой воды.

— А ветеринары у вас бывают? Приглашаете?

— Приезжал в прошлом году один,—замаялся старик—да очень уж неласково его здесь приняли.

— Почему так?

— Да наши не привыкли. Привыкли больше к знахарям.

— А как те лечат?—заинтересовался Степан Ильич.

— Да обыкновенно, собираем весь скот...

— Как! и здоровый и больной?

— Где там разберешь—здоровый или больной, собираем в один табун, и знахарь начинает их лечить...

— Удивительно,—с грустью заметил Олкиро—как у вас при таких условиях вообще остался еще скот.

— Есть-то есть, но маловато, да и мелок очень, тощ. И удой стал против прежнего меньше. Овцы дают мало сала, и шерсть стала неважная. Вот лошадей стали у нас разводить хорошей породы. Для них и корм готовится хороший: кормовые травы и корнеплоды. Пошло у нас травополье.

Глаза старика засветились бодростью и верой:

— Будет у нас скот хороший. Были бы только корма!

Старик поспешно завозился над своими мешками. Скоро у пригорка был расставлен простой, но обильный молочный завтрак. Старик, видимо, с удовольствием выполнял обязанности хозяина. То и дело он вскакивал, залезал в свои мешки, готовый отдать нам без остатка все свои запасы. Своим посещением мы доставили ему

большую радость. Он с большой, чисто юношеской любознательностью расспрашивал Ол-киро про Москву и Россию, выражая свое сочувствие «власти бедняков». Очень интересовался он Китаем, рассказывая нам, что в горах говорят, будто в Китае уже большевики.

Его обостренное смуглое лицо дышало ясно-стью и спокойствием окружающих его гор.

ЗА ЛЕСНЫМ ПРЕДЕЛОМ

Отдохнув и подкрепившись мы пошли вперед. Внизу, за лесной областью, простирались густые темные чащи лиственниц и кедра. Чем ярче светило солнце и чем белоснежнее был покров горных вершин, тем темнее казались нам эти мрачные леса. Местами и здесь по дугам росли уродливые низкорослые кедры. Они были жалки и чахлы. Кое-где они перемежались густыми зарослями таких же чахлых кустарников, которые загораживали путь непроходимой колючей изгородью. Холодные ледники и снежные вершины гонят вниз со своих склонов, со своих утесов и гор эту темную кустарную тундру. С большими усилиями мы пролагали себе путь через кустарники. На плоских каменистых выступах грустно качали свои верхушки печальные северные ивы. Кругом раскинулись кочками убогие кусты смородины, таволги жимолости, шомпольника и можжевельника.

НА АЛЬПИЙСКОМ ЛУГУ

Чем выше мы поднимались по тропе, тем заметнее перед нами очищалась дорога от последних остатков лесов и кустарников. Наконец, перед нами открылся прекрасный вид: мы вступили в полосу альпийских лугов. Затеяливый яркий узор цветов самых различных красок и оттенков. Золотистый лютик растет по соседству с нежными розовыми первоцветами, и тут же рядом ярко-синие горечавки. Идешь, не отрываясь взором, по этому пышному травяному ковру, а навстречу бегут, выпячивая свои ярко-красные и желтые узоры, вихрастые мытники. «Мы тоже здесь, мы тоже прилепились к горным склонам», — шепчут оранжевые купальницы. Есть здесь и пестрые, нарядные альпийские незабудки, и фиалки, и желтые камнеломки. Рядом с ними гордые альпийские маки уверенно закивали головками, а вблизи них завистливо зашумели, вытягиваясь вперед, синие змееголовники.

ВЕТВИСТЫЕ РОГА МАРЛА

Трудная, почти непроходимая дорога шла по тесному ущелью. До поселка Берели было около 10 верст. Глубокие расщелины между камнями поросли лесом. Дико и сурово...

Еще в окрестностях поселка потянулся ряд садов-маральников. Это заботливо устроенные

высокие загородки для благородных оленей, с ветвистыми рогами. Настоящие сады, с сочной травой и проточной водой. Только в такой обстановке марал чувствует себя хорошо.

Мы зашли в ближайший маральник. На нас не обратили ни малейшего внимания, потому что там толпилось немало народу. То были скупщики маральных рогов и соседние владельцы загонов. Шел жестокий торг. Хозяин держал в руках свежеспиленные оленьи рога. Они были большие, ветвистые, покрыты шерстью и наполнены кровью. От них шел запах соли, в растворе которого их долго варили, чтобы «закрепить». Скупщики давали низкую цену — червонец за фунт. Владельцы возмущались:

— Не стоило и возиться за такие гроши. Сколько набрались хлопот...

Мы отошли в глубь сада. Бедные животные с недавно спиленными рогами уныло бродили у ручья, изредка вяло пощипывая траву. В их взорах была почти человеческая грусть. Они настороженно оглядывались по сторонам. Иногда по их шерсти зыбкой волнистой струей пробегала дрожь. Приближение незнакомцев вспугнуло стадо и оно стремительно бросилось врассыпную.

За оградой, в стороне от дороги, на камне сидело два охотника, с которыми мы разговорились. Они долго с большим увлечением рассказывали нам про трудности своего ремесла.

Маралы очень умны и осторожны. Целый день иногда пройдет, пока, наконец, его удастся убить. Не всякий за это дело и возьмется. Нужно годами вырабатывать сноровку. Летом и зимой охотники стараются не убивать марала, а поймать его живым и продать. Вообще, убийство маралов запрещено советской властью, так как марал—зверь очень редкий.

— А доход маралы дают большой?

— Бывает, поймаешь хорошего, отпилишь у него до полпуда рога, а у другого и десяти фунтов не наберешь. В общем, живем—не жалеемся. Ежели бы только побольше их ловить. А то, действительно, с каждым годом маралов все меньше и меньше. При том скучают они очень в садах... Заботишься, чтобы и травка, и водица свеженькая, а он хиреет и хиреет и частенько умирает от тоски.

Мы распрощались и двинулись дальше.

— К ледникам!—настойчиво и заражающе звал Олкиро.—Десять лет я не был у ледников.

СРЕДИ ЛЕДНИКОВ

КАК МЫ ПОДНИМАЛИСЬ И СПУСКАЛИСЬ И ЧТО ВИДЕЛИ В ПУТИ

Из деревни Берели мы вышли поутру и стали подниматься на один из южных ледников горы Белухи в Катунских Белках. Дорога шла по узкой извилистой тропе через Рахмановские клюны

лежащие у живописного большого озера. Ключи эти славятся как целебные воды. Они струятся из-под гранитных скал, пробивая себе путь через трещины. Катунские горы богаты разными минералами: сланцем, порфиром и кварцем. Внизу темнеют густыми зарослями пихтовые и кедровые леса,

Рис. 7. В лесу летом.

Целый день мы шли все в гору, пока не вышли на широкий открытый луг. Кое-где были разбросаны кучками низкорослые деревья. На лугу мы сделали привал, решив здесь основательно отдохнуть. Долгий и трудный подъем

всех нас сильно утомил. Кроме того, сильно давал себя чувствовать голод. Олкиро живо приготовил обед.

Глядя вниз на пройденный путь, трудно было не залюбоваться голубеющим внизу горным озером у Рахмановских ключей, мимо которого недавно мы поднимались вверх. Озеро имело в длину около четырех верст, а в ширину—более версты. Сверху же оно казалось маленьким игрушечным морем среди громадных гор.

Позавтракав, мы начали спускаться вниз к реке Черной Берели. Дорога была неудобная и трудная. Заросли, густой кустарник, часто непроходимый, мешал идти. Пришлось с трудом прокладывать себе путь или делать большие обходы.

Чем ниже мы спускались, тем богаче становилась растительность. По спуску раскинулся шатром кедровый и лиственный лес (рис. 7), по которому мы долго шли, пока не очутились у реки Черной Берели. Речка—маленькая, но очень быстрая, как и все горные реки, с чистой прозрачной водой. Неподалеку стремительно неся, разбрасывая брызги и пенясь, небольшой водопад. Речку пришлось переходить в брод. Олкиро очень быстро определил, в каком направлении нам лучше идти, и мы двинулись за ним гуськом.

Потом тропа снова резко потянулась вверх, и мы стали взбираться по очень трудному подъему. Пришлось пробираться узенькой змеиной тропой между скал, поросших хвойным лесом. Отсюда

мы выбрались на широкое место, где ярко зеленел большой альпийский дуг.

Потом пошли травяные луга с разбросанными по ним группами деревьев. Деревья были мелкие, трава же—могучая и буйная, такая густая, и высокая, что в «большетравьи» скрывается с головой всадник на лошади.

Мы достигли Берельского перевала. Гора Белуха тут видна вся, с двумя своими вершинами, точно горбы у верблюда. Катунские Белки тоже хорошо видны были с этого места. Отсюда мы долго спускались вниз густым пихтовым, лиственничным и кедровым лесом. Олкихро указал нам на разросшиеся деревья, которым было более 200 лет. Их толстые стволы побурели от времени. Вскоре мы вышли в долину реки Белой Берели и по тропинке, среди сочных лугов, двинулись вверх к Берельскому леднику.

ЛЕДЯНЫЕ ПОТОКИ

Ледников, собственно, два: Большой Берельский и Малый Берельский. Первый тянется на восемь верст, второй—на пять. Огромная площадь сплошь покрыта льдом. С вершины горы Белухи круто падает вниз восемь ледяных потоков. Во льду зияют глубокие трещины. Малый ледник также падает вниз крутыми ледяными потоками. На нем тоже зияют голубые ледяные расщелины. Между двумя ледниками—Большим и Малым—

лежит красивое бирюзовое озеро, переполненное до краёв. Окружающие это озеро скалы отражаются в нем, как в зеркале.

К западу лежат Катунский ледник. Чтобы добраться до него, надо было перевалить через высокие горы. В течение последних дней непрерывными подъемами и спусками мы достаточно себя изнурили и, по совету Олкиро, на этот раз предпочли добраться до ледника не по крутой дороге, а обходной тропкой.

Рис. 8. Мы стояли у Катунского ледника.

Катунский ледник тянется в длину не меньше Большого Берельского, но он кажется больше и суровее его (рис. 8). На нем зияют трещины, еще

более широкие, чем на тех ледниках. По этим трещинам стремительно с шумом низвергаются потоки воды. Эти быстрые мутные потоки внизу вытекают из-под огромной грязной ледяной глыбы и здесь берет свое начало река Белая Катунь.

ТАМ, ГДЕ УГОЛЬ

ОБЪЕЗД ШАХТ С ПРАВЛЕНСКИМ ИНЖЕНЕРОМ

Вот он, знаменитый Кузнецкий бассейн, с его неиссякаемым запасом каменного угля.

Мы целую неделю объезжали шахты по бассейну реки Томи (притока Оби). Гористая местность покрыта кое-где лесистыми кряжами. Почва каменистая, вся покрытая темной, почти черной пылью. По дороге Степан Ильич быстро познакомился и сдружился с молодым инженером Веропаевым, который, по поручению правления, объезжал целый ряд шахт. Молодой инженер не отставал от нас ни на шаг и тащил нас всюду, куда ему было нужно. Он был, можно сказать, влюблен в свое дело. Его мысли были всецело поглощены будущим Кузнецкого бассейна, которое ему рисовалось в самых радужных красках, и он не переставал нам повествовать о Кузбассе, его прошлом, настоящем и будущем.

— Пройдет не больше десяти лет, как эти полудикие пустынные места станут центром сибирской промышленности. Вот здесь, в Кузбассе, залог развития и восстановления сибирского

хозяйства. Кузбас станет пламенным сердцем всей Сибири. Вот посмотрите! Вспомните мои слова! Мы все еще до этого доживем...

Воропаев был сын шахтера. Уже при советской власти с большими трудностями он поступил в ВУЗ. Несмотря на отчаянную голодовку в годы разрухи, он блестяще его окончил и теперь занимал уже весьма ответственную должность.

Мы объехали ряд месторождений, где шла деятельная разработка угля. Олкиро с большим любопытством спускался в шахты и с еще большим интересом разговаривал с шахтерами. На Кольчугинской шахте, куда мы прибыли к концу рабочего дня, работы уже заканчивались. Мы сели в бадью, которая нас опустила вниз. Шахта была неглубокая и имела мало коридоров. Оборудована она была, в общем, довольно слабо. То и дело выкатывались на большую площадку тачки с углем. Откатчики и откатчицы опрокидывали свои тачки, вываливали угольные глыбы и опять отправлялись вглубь коридоров. Воропаев внимательно осматривал устройство коридоров, их обшивок и часто укоризненно качал головой.

Со всех сторон слышался стук забойщиков. Временами, в темноте, проскальзывала темная фигура углекопа с лампочкой. Потом мы услышали фырканье лошади, которая, повидимому, раз навсегда была спущена сюда в шахту и здесь проводила всю свою жизнь, в вечной темноте.

Наступил момент окончания работ. К нам до-
несся гулкий звон колокола. Через короткое вре-
мя со всех сторон коридоров шахты к выходу
потянулись кучки углекопов. Некоторые обти-
рали паклей руки и вспотевший лоб. Мы вместе
с толпой шахтеров взобрались наверх и от-
правились в огромный зал клуба, увешанного
лозунгами и портретами вождей. Здесь было
многолюдно и шумно. Разговаривали кучками
о последних политических новостях, о разрыве
с Англией, о событиях в Китае. Кое-где толко-
вали о расценках и поднятии производительности
труда. Некоторые сосредоточенно играли в шашки.

ВОРОПАЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Вечером мы сидели вместе с Воропаевым в
отведенной нам администрацией шахт чистенькой
и уютной комнате поселка и попивали чаек из
старинного самовара. Воропаев не переставал рас-
сказывать о природных богатствах Кузнецкого
бассейна.

Олкиро, закулив крепкую трубочку, усмехался:
— Вы, как настоящий спец. Ничего, кроме
угля, не видите и не хотите знать. Впрочем, вам
извинительно, можно сказать, потомственный по-
четный шахтер.

Воропаев и не думал обижаться на колкие,
но добродушные замечания Олкиро, и продолжал,
как ни в чем не бывало:

— Вам-то что? Попутешествуете здесь по разным углам, посмотрите сибирских чудес и уедете к себе обратно в Москву. А ведь нам надо Сибирь строить. Нам, можно сказать, доверен край. А знаете ли вы, что такое Кузнецкий бассейн? Видели вы, правда, шахты, побывали на разработках угля. Шахты—как шахты. А надобно вам еще знать, что союзный геологический комитет установил, что в Кузнецком бассейне имеется запасов угля не меньше, чем на 250 миллиардов тонн (тонна 61 пуд). В пять раз больше Донецкого бассейна. Вот что такое, голубчики, Кузбас! И еще намотайте себе на ус, когда будете там отчитываться в Москве на разных заседаниях, что у нас здесь лучший по качеству уголь. Не забудьте,— записали бы лучше карандашиком—что опыты со специальными сортами угля дали возможность непосредственной плавки руды этим углем. Это вам, други, тоже не шуточки! Это значит, что Кузнецкий бассейн имеет исключительные условия для развития химической промышленности. У нас есть в запасе огромная энергия запасных газов. Сколько это нам может заменить машин!.. Энергии имеется на восемьдесят тысяч лошадиных сил.

Олкиро, подставив под кран самовара чашку, заметил:

— Все это прекрасно, товарищ-спец, но для развития тех увлекательных планов, которые вы здесь строите, нужны большие капиталы.

— Конечно, нужны — подхватил инженер. — Я об этом все время кричу. Тут, в Сибири, необходимо капитальное строительство, в особенности, — на Кузбасе. Краевой исполком, при моем участии, принял план, в котором предусмотрена постройка 100 коксовых печей и ряда металлургических, химических и коксобензоловых заводов. Но что ваша Москва... Денег не дает! Мы требуем на капитальное строительство Кузбаса самое меньшее 170 миллионов — и вы уж, будьте любезны, эти денежки выложить нам чистоганом.

— А что мы сейчас от вас получим взамен? — следовательским тоном спросил дотоле молчавший Степан Ильич.

Воропаев искренно расхохотался:

— Что получим? Да знаете ли вы, что, по самым скромным подсчетам, к концу пятилетия бассейн уже дал вам триста миллионов пудов угля, из них в текущем году около 150 миллионов. Одного коксу за пятилетие дано 36 миллионов, из них в текущем году 10 миллионов пудов. Знаете ли вы, что это значит? А ведь надо вам сказать, что мы теперь вовлекаем в работу новые мощные районы: Инский, и Беловобонаковский, которые дадут дешевый уголь, притом лучшего качества. И, наверное, читали вы в «Правде» наши заметки о больших запасах железных руд в Тельбессе, которые научными исследованиями определяются не меньше, как в миллиард пудов.

— Не слишком ли вы увлекаетесь, потомственный шахтер?—выбивая трубочку о край стола и искоса поглядывая на Воропаева, заметил Олкиро.

— Нет, милые друзья, не увлекаюсь! Вам надлежит уяснить себе, что с такими запасами топлива можно снабдить углем полмира. С такими запасами железной руды можно развить величайшую металлургическую промышленность. А у нас огромное богатство лежит втуне... Нам все это некуда сбывать. И нет средств, чтобы взяться за это дело. Ну что, например, мы отпустили? Сущие пустяки. На Самарскую железную дорогу—160 тысяч тонн, Балтийскому флоту—65 тысяч тонн, на Урал послали еще 160 тысяч тонн угля и 180 тысяч тонн коксу. Но ведь это капля в море, при тех результатах, которые дал наш анализ кокса.

Воропаев мог бы продолжать с таким же увлечением свой рассказ о природных богатствах Кузбаса до утра, но стенные часы хрипло пробили двенадцать. Степан Ильич, резко поднявшись из-за стола, твердо заявил:

Ну, будет о Кузбасе! Вы прочитали нам, товарищ Воропаев, целую лекцию. Хватит. Достаточно образованны. Остальное—на следующий раз. А теперь пора на боковую. Признаться, я порядочно устал, расхаживая по коридорам шахт, опускаясь и поднимаясь. И вы, кажется, тоже?..

Тут только и Олкиро почувствовал, что не прочь отправиться на боковую, и раззевался во весь рот.

— Ну, ладно. Отдыхайте,—прощался Воропаев, пожимая всем руку.—А завтра с карандашиком в руках я вам точно подсчитаю, и вы воочию убедитесь, что Кузбас...

— Ни слова больше о Кузбасе! Четверть первого. Надо же и совесть иметь. Нам нужно пораньше встать и готовиться к отъезду в Кузнецк. Там ждут нас письма. Спокойной ночи!

И Степан Ильич отвесил инженеру широкий поклон.

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

На следующее утро, чуть свет, в дверь нашей комнаты раздался короткий сильный стук.

— Что за напасть! Выспаться не дадут!—ворчал Олкиро.

Степан Ильич в нижнем белье, весь заспанный, с всклокоченными волосами, нехотя пошел открывать дверь.

— Кто это?

— Да я, Воропаев...

— В такую рань? Да что случилось?

Оказалось, однако, что Воропаев явился неспроста. Он принес телеграмму на имя Степана Ильича, которую прислал в Кузнецк на адрес правления сургутский друг Олкиро—Мулта. Мы во время объезда просили Воропаева для ускорения дела снестись с Кузнецком и просить там, чтобы все письма на наше имя срочно прислали сюда.

Степан Ильич быстро оторвал ярлык и жадно впился в телеграмму. Лицо его сразу переменялось. Он даже слегка побледнел.

— В чем дело?—обступили мы его со всех сторон.

— Читайте...

Мулта сообщал, что от жены Степана Ильича получена на его имя телеграмма, в которой она сообщает, что сын его, Костя, скатился с третьего этажа лестницы и сломал себе ногу. Он теперь в больнице. Положение его тяжелое и неопределенное.

На Степана Ильича обрушилось большое горе. Мы все хотели его утешить, но слова утешения не шли с наших уст. Мы знали, как любил он своего мальчика.

— Бедный, бедный Костя!—повторял он.—Сегодня же двинусь в Москву,

Приготовления его были быстры. В тот же день Степан Ильич нас покинул.

С отъездом его и Олкиро как-то приуныл. Только теперь почувствовали мы, каким близким человеком был для нас Степан Ильич, и как мы его любили.

Воропаев продолжал нам неукоснительно говорить про уголь и про будущее Кузнецкого бассейна, но Олкиро слушал рассеянно. Через три дня Воропаев явился и вынул из портфеля несколько пакетов:

— Я у вас на положении вестника. Надеюсь, что на этот раз ваш почтальон принес радостные вести.

Тут были письма для меня и для Олкиро. Нам сообщали последние новости из Москвы, спрашивали о нашем житье-бытье. Одно письмо на имя Олкиро было в официальном конверте Института Народоведения. Он быстро его распечатал и долго внимательно перечитывал. Письмо было от директора Института, который поздравлял Олкиро с тем, что он оставлен при Институте для подготовки к профессорскому званию. Директор расточал похвалы способностям Олкиро, выражал уверенность, что он принесет науке большую пользу, и звал его скорее в Москву.

Прочитав письмо, Олкиро грустно вздохнул: — Пожалуй, придется преждевременно кончить наше путешествие. Институт все-таки будет поважнее. Напутешествовались! Можно будет и в будущем году двинуться этак месяца на три, в летнее каникулярное время.

Олкиро был человек легкий на подъем. Меня он уговаривал остаться еще на некоторое время в этих краях:

— Ты увидишь здесь еще много интересного. В конце концов, я все это уже видел. А ты здесь впервые...

Остаться здесь одному мне было неинтересно. Через несколько дней мы сидели уже в вагоне железной дороги и катили обратно в Москву.

СЛОВАРЬ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Чум—у зырян и самоедов кочевой переносный шалаш: жерди, составленные сахарной головой и покрыты летом берестой, зимой—цельными и сшитыми оленьими шкурами с дымовым выходом вверх.

Юрта—переносное помещение у чукчей, алеутов, тунгусов, татар и других народов Сибири.

Тайга—непроходимая лесная глушь, где нет никакого жилья.

Таежный—который находится в тайге, к тайге относящийся.

Тундра—на севере Сибири голая степь, ровная, болотистая, мшистая, с мерзлой подпочвой, которая тянется до Ледовитого океана. Усеяна множеством озер и водных углублений. Летом покрыта пестрым ковром мхов, лишайев и травы. Зимой затянута сплошным снежным покровом.

Стеклярус—бахрома, кисти.

Урман—дремучий обширный лес, дикий, необитаемый, на огромной равнине с озерами, болотами и песками. Лес преимущественно хвойный: ель, сосна, пихта, кедр.

Чувал—очаг, камелек, огнище с колпаком и дымопроводом у татар, башкир, остяков, якутов и других сибирских народов.

Цыновка—частая рогожа чистой работы из сученой мочалы и особой местной ткани. Есть цыновки травяные. Употребляются для покрытия лавок, кибитки и проч.

Марал—(еще называется в Западной Сибири «изюбр») — вид породистых оленей с крупными ветвистыми рогами.

Ледник—огромное пространство, всегда покрытое льдом. Находится на очень высоких горах или у северного полюса.

Кедровник—кедровый лес, состоящий из хвойных деревьев, дающих кедровые шишки с орехами.

Котловина—округлая яма, впадина, провал, углубление земли на обширном пространстве.

Личинка—куколка насекомых; полуживое существо, из которого вылущивается подлинное насекомое, зарывается в землю или подвешивается куда-либо.

Карликовое—маленькое, невысокого роста, мелкой породы.

Капюшон—наголовник, являющийся частью верхней одежды. Надевается в Сибири для защиты от холода, пурги и метели.

Мыс—остроконечная часть земли, выдающаяся клином в море, либо в озеро, либо в реку.

Пимокат—изготавливающий сапоги из оленьих шкур шерстью наружу или валенки, обшитые кожей.

Пауть—злая муха, овод, кусающая животных и людей.

Сепаратор—аппарат на маслодельнях, употребляемый для снятия сливок с молока и изготовления масла.

Замша—кожа оленья или лосиная, очень мягкой бархатистой выделки.

Вонзь—сплошное массовое движение рыб весной после ледохода. Движение происходит отдельно у каждой породы и вызвано исканием питания после зимней стоянки.

Сора—приречная котловина (углубление), соединяющаяся в весеннее половодье с рекой

и постепенно высыхающая. Рыба устремляется сюда для питания до убыли воды.

Арака — молочная водка, перегоняемая из вошючей квашни.

Зоб — болезненная опухоль шейной железы или вообще передней или боковой части шеи.

ВОПРОСЫ ПО ПРОЧИТАННОМУ

1. Что можно увидеть, проезжая по Сибири?
2. Какие изделия вырабатывают сибирские кустари?
3. Что способствует развитию маслоделия в Сибири?
4. Как производится сбор кедровых орехов?
5. Опишите татарскую юрту.
6. Какова природа Нарымского края?
7. В каких условиях живет теперь население Нарыма?
8. Расскажите, как работают остяки.
9. Как живут они (их быт, нравы, обычаи).
10. Как живут в тундрах самоеды?
11. Чем интересны Алтайские горы?
12. Где в Сибири имеются неиссякаемые запасы каменного угля. Укажите эти места на карте Сибири.
13. Почему Сибирь называют «страной будущего»?

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Как мы поехали в Сибирь	3
На выставке кустарей в Новосибирске	5
У маслоделов	9
В кедровнике	12
В татарской юрте	16
Нарымская глушь. В мире отверженных	19
Разлив	19
В перченой семье	20
Сельсоветский сторож	24
Как лечат энахари	25
Раньше и теперь	26
С борта парохода	27
По течению Оби	28
После десятилетней разлуки	30
С остяцкими рыбаками	34
Рыба трогается—идут приготовления	35
Как живут остяки	36
Остяцкие похороны	38
И дома кипит работа	40
Суровая доля	42
Зыряне-оленьеводы	42
В безбрежной тундре	42
В самодском чуме	44
На обдорскую ярмарку	46
На обдорской ярмарке	49
Город в тукаре	49
На постоялом дворе	50

	Стр
Товары, продавцы и покупатели	51
С севера на юг	53
На горных вершинах Алтая	54
Печали и радости хатунского скотовода	55
За лесным пределом	59
На альпийском лугу	60
Ветвистые рога марала	60
Среди ледников	62
Как мы поднимались и спускались и что видели в пути	62
Ледяные потоки	65
Там, где уголь	67
Объезд шахт с правленским инженером	67
Воропаевская лекция	69
В обратный путь	73
Словарь малопонятных слов	76
Вопросы по прочитанному	77

80548

40 =

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ изд-ва „Долы Неправомости“, Москва, Сретенка, 8.
Телефон 2-94-56.

МАГАЗИНАМ / „Долы Неправомости“, Кузнецкий мост, 4. Тел. 1-87-32.
/ „Красная Волна“, Сретенка, 8. Тел. 5-06-11.

СЕК-ЗАВ. ОБД. ОТДЕЛЕНИЮ изд-ва „Долы Неправомости“, Ленинград, ул. Пискаревская, 8. Тел. 5-28-69. ХАРЬКОВСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Долы Неправомости“, Харьков, ул. Свободной Армии, 5. Тел. 10-07. СЕВЕРОКАВКАЗСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Долы Неправомости“, Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 101. Апп. 0 по „Наша жизнь“. УРАЛЬСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Долы Неправомости“, Свердловск, Восточная улица, 2. УРАЛ ОДН. САРАТОВСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Долы Неправомости“, Саратов, Пензенская, 16. САМУБОРОМТОРС. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Огонь“, ул. Кр. армии, 4. ВНЕШКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ изд-ва „Долы Неправомости“, Ватсба, Пушкинская, 6.